

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

ВЫП. XV

АФРИКА И АЗИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1973

М. Ф. Чигринский

РАННИЕ ГОЛЛАНДСКИЕ ИЗВЕСТИЯ О ПИНПУ — АБОРИГЕНАХ ТАЙВАНЯ

Аборигены острова Тайвань, гаошань, традиционно делятся на две группы: пинпу, или шуфань — «варвары равнины», «цивилизованные варвары», и собственно гаошань, или шэнфань — горцы «грубые», «неподчиняющиеся варвары». Такое деление перекочевало из китайских источников в научную литературу [7, лл. 8—9; 12, стр. 603—609; 14, стр. 114—116; 16, л. 5; 20, стр. 95—97; 24, стр. 23].

Горные племена, до сих пор в большей степени сохранившие свой язык, обычаи, обряды, изучались и изучаются антропологами, этнографами, географами [5, лл. 1—80; 6, стр. 100—108; 10, стр. 59—63; 13; 15; стр. 339—359; 18; 19; 26; 27, стр. 125—140; 32].

О пинпу — жителях равнины — сведения более скудные, так как они были постепенно ассимилированы проникавшими еще с IX в. на Тайвань китайцами. К настоящему времени большинство их обычаев и обрядов заменено китайскими. Поэтому особенно интересны материалы по этнографии и географии Тайваня, содержащиеся в отчетах миссионеров и чиновников Нидерландской Ост-Индской компании, побывавших на острове во время голландского господства (1624—1662 гг.) [25; 29, стр. 1—25; 34, стр. 210—251]. Особое место среди свидетельств этого рода занимают отчеты двух миссионеров — голландца Г. Кандидиуса и шотландца Д. Райта. Написанные независимо друг от друга, они позволяют воссоздать картину жизни почти исчезнувшей группы племен¹.

Г. Кандидиус (1597—1647) дважды бывал на Тайване: в 1627—1631 и 1633—1637 гг. Он изучил язык туземцев и играл видную роль в политике христианизации пинпу, проводившейся голландскими властями. О Д. Райте известно только, что он посетил Тайвань после Г. Кандидиуса. Больше никаких сведений о нем найти не удалось [25, стр. 2; 27, стр. 144; 31, стр. XLV].

Полный текст отчета Г. Кандидиуса, впервые изданный в 1637 г. в Германии, был затем включен в многотомное «Собрание путешествий Ост-Индской компании» [27, стр. 144; 34, стр. 210—251]. Сведения, сообщаемые Г. Кандидиусом и Д. Райтом, опубликовали Иоан ван Кампен и Константин Нобель в своем сборнике материалов о голландско-ки-

¹ К пинпу относятся племена: кетагалан, кавалан, таокас, пазехе, бабуса, хоаней, сао, папора, сирайя, макатао [27, стр. 128].

тайских отношениях в XVII в. [29, стр. 1—25]. Этими же источниками, правда без ссылок, пользовался известный историк Нидерландской Ост-Индской компании Ф. Валентайн в работе над своим исследованием [37, стр. 38—41].

Английский этнограф прошлого века Р. Свинху использовал фрагменты из этих отчетов в своей работе [36, стр. 12—16]. В 1903 г. другой английский ученый, В. Кемпбелл, полностью издал записи Г. Кандидиуса, Д. Райта и документы Нидерландской Ост-Индской компании о Тайване [25].

На Г. Кандидиуса и Д. Райта неоднократно ссылались европейские, американские, китайские и японские ориенталисты [20; 22, стр. 3—15; 23, стр. 1—13; 27, стр. 144—145; 28, стр. 16—17; 31, стр. 262—286].

Данные этих миссионеров о Тайване стали известны в России в XVIII в.² [2, стр. 253—265; 3, стр. 116—122; 4, стр. 572].

Голландцы появились на Тайване в 1624 г. после навязанного ими Китаю соглашения [26; стр. 140—143]. Климатические условия острова, его богатая флора и фауна понравились европейцам. Правда, позднее они несколько разочаровались. Землетрясения, ливни, тайфуны, налеты саранчи осложняли жизнь в новой колонии. Сохранилось любопытное описание тайваньской саранчи: «На шеях у нее одинаковые воротнички, как у пикинеров, а на голове нечто похожее на соломенные шляпы... солдат» [29, стр. 28]. Животный мир Тайваня таил в себе немало загадок. Особое удивление у голландцев вызвал чешуйчатый муравьед³, которого окрестили тайваньским чертом. Черт имел «один локоть длины и пять дюймов ширины. Тело... чешуйчатое, как у рыбы. Когда голоден, высовывает язык и, как только замечает муравьев, втягивает их. Он добродушен, его напрасно называют чертом» [29, стр. 9]. Никогда ранее не встречавшие лосей голландцы, и в частности Г. Кандидиус, называли их лошадьми с большими рогами⁴ [34, стр. 209].

Но самое большое впечатление на голландцев произвела встреча с туземцами — высокими людьми, «полувеликанами» с темно-коричневой кожей, большими глазами, плоскими носами, без бород. Примечательны были уши островитян — «большие, длинные, висящие до половины груди» (вероятное преувеличение). Волосы туземцы связывали в узел или распускали до плеч. Растительность на лице и на теле они полностью выщипывали. Женщины отличались малым ростом, полнотой, коричнево-золотистым цветом кожи [29, стр. 12].

Европейцев пинпу встретили приветливо и произвели на них хорошее впечатление. Г. Кандидиус, воспринимавший аборигенов, с точки зрения миссионера, как «дикарей», вынужден был отметить их высокие моральные качества. «В основном они мягкие, добрые, верные. Очень хорошо принимают голландцев... если и те соответственно себя ведут. Ничего не прячут, не пытаются скрыть. Находят вещь другого и приносят домой...держат слово...вплоть до того, что скорее умрут, чем предадут кого-нибудь из своих» [34, стр. 212].

Судя по сообщениям Г. Кандидиуса и другого миссионера, Д. Гревюса, пинпу говорили на одном языке, однако каждая деревня имела свой диалект [34, стр. 211; 30, стр. 6—10]. Д. Райт, напротив, явно преувеличивая, утверждал, что жители соседних деревень не понимали друг друга без переводчика. Письменности у туземцев не было.

² Без упоминания авторов.

³ Чешуйчатый муравьед — *Manis longicauda* [33, стр. 77—78].

⁴ Современник Г. Кандидиуса португалец Ф. Семедо также сообщает о лосях на Тайване.

Основой хозяйства жителей равнины являлось мотыжное земледелие. Наиболее распространенные сельскохозяйственные культуры — злаковые, главным образом рис, и бобовые. Земледелием, рыболовством, ловлей крабов, добытием устриц занимались женщины. Они же производили вспашку общинного поля под руководством мужчины — «старейшины поля»⁵ [19, стр. 213; 29, стр. 24—25]. Кроме того, каждый мужчина и каждая женщина обрабатывали свои индивидуальные участки. Техника земледелия находилась на крайне низком уровне. Посевы риса, например, располагались неравномерно. Отсюда частые пере-seвы и нарушения всего ритма сельскохозяйственных работ. Пинпу не знали серпов и пользовались ножевидной пластиной, которой можно было срезать по одному колоску. Все это приводило к тому, что запасы делались не более чем на год. Иногда продовольствия не хватало до нового урожая, несмотря на исключительное плодородие почвы [34, стр. 213].

По мнению Г. Кандидиуса, здесь можно было бы прокормить еще сто тысяч человек [34, стр. 213].

Главное мужское занятие — охота. Охотились мужчины коллективно, маленькими группами — по двое-трое — и индивидуально. В коллективной охоте участвовали все мужчины общины. Изредка объединялись охотники двух-трех соседних общин. Существовало две разновидности коллективной охоты. В первом случае охотничьи партии вооружались длинными, в человеческий рост, копьями и использовали собак. В другом случае применялись силки. Охота с копьями выглядела следующим образом. К древку копья неплотно пригонялся стреловидный наконечник, снабженный тремя-четырьмя крючьями. К нему привязывали веревку с колокольчиком. Спустив собак, обступали зверя и метали копья. Если раненое животное кидалось в чашу, охотники по звуку колокольчика находили добычу. Силки делались из ротанга, бамбука, кокоса. Ловушку устанавливали в районе перемещения оленьих стад. Петлю прижимали куском дерева к земле. Попавшегося оленя добывали копьями [34, стр. 218].

Основная пища пинпу — рис, таро, просо. Мясо ели редко. Приготовлением пищи занимались женщины. Рис ежедневно молотили, сушили и варили на костре. Посудой служили котлы и сосуды, сделанные из глины, бамбука, дерева. Ели руками или скорлупой кокосовых орехов. Внутренности животных и рыбу засаливали не очищая. Охотники ели мясо еще не остывшего животного. Плод убитой самки съедали со шкурой и шерстью — это считалось деликатесом [34, стр. 216—219].

Вкус излюбленного напитка пинпу — мазакхау — напоминал голландцам испанские и рейнские вина. Его делали женщины. Хорошо прожаренный кусок рисового теста выплевывали в горшок и заливали водой. Верхний слой напитка был прозрачен, а нижний напоминал кашу [29, стр. 3—4].

Ремесло у пинпу, как и других тайваньских племен в XVII в., еще не отделилось от земледелия. «Нет у них ремесел и искусств, — свидетельствует Д. Райт, — но каждый делает то, что нужно» [29, стр. 12]. Посуду, одежду и оружие туземцы изготовляли в основном сами. Лодки выдалбливали из дерева.

Деревня пинпу — компактное поселение, разбитое на кварталы. В каждом квартале насчитывалось 12—14 семейных домов и один мужской дом [34, стр. 238—239].

Судя по данным миссионеров, деревни Южного Тайваня не имели

⁵ Тяглового скота на Тайване не было до прихода голландцев.

укреплений. В других районах острова Д. Райт встречал укрепленные поселения, обнесенные деревянными стенами. Вдоль стен были высажены толстые деревья, между которыми оставался узкий извилистый ход. По обеим его сторонам делались канавы, предназначенные для подслушивания. В некоторых местах Северного и Центрального Тайваня стены дополнялись бамбуковыми башнями. Поэтому никто не мог подойти к поселению незаметно. На ночь вход закрывали толстыми бревнами. На этом завале устанавливали длинные шесты, неподвижные у основания, загнутые и слабо закрепленные с другой стороны. При прикосновении конец шеста освобождался и сбивал того, кто его задел [29, стр. 17].

Строительство домов происходило в январе, во время сухого сезона. Стены делали из дерева и бамбука, крышу из соломы. Строение воздвигали на насыпном фундаменте из глины в шесть футов высотой. Общая высота постройки — двадцать-тридцать футов. Поднимались по приставной лестнице. Двери были в каждой стене. У богатых — по две двери с каждой стороны. Д. Райт утверждает, что каждые пять лет дома сносились и воздвигались новые [29, стр. 14].

Дома пинпу держали оружие, предметы труда и обихода. Спали на оленьих шкурах [24, стр. 6].

О ношении одежды у пинпу до прихода европейцев источники дают противоречивые сведения. По словам Д. Райта, они совсем не знали одежды [29, стр. 12]. Г. Кандидиус говорит, что мужчины ходили обнаженными только три месяца в году. Женщины же одевались всегда [34, стр. 212]. Одевание мужчин состояло из куска белого полотна, доходившего почти до колен и перекинутого через плечо так, что половина груди была открытой. В талии ткань перехватывалась пояском. На ноги надевали «мокасины» из шкур животных. Женская одежда — блузка с короткими рукавами, юбка до колен, передник, на голове — «двойные китайские шелковые платки с концами узла, торчавшими в разные стороны». Они ходили босиком, но голени обертывали такими же платками. Зимой аборигены одевались в шкуры животных [29, стр. 12].

Пинпу украшали свое тело с малых лет. Мужчины растягивали уши большими бамбуковыми подвесками, напомилавшими европейцам тарелки, искусно вырезанные и украшенные. В мочку уха вставляли разноцветные раковины. На шею надевали коралловые ожерелья, на руки — металлические браслеты, а на ноги — браслеты из белых раковин. За поясом прикрепляли изогнутую трубку с красным флажком, возвышавшимся над головой. По праздничным дням мужчины носили головной убор из петушиных перьев и медвежьих хвостики на ногах. Женщины предпочитали костяные кольца, браслеты из металла, бамбука, оленьего рога, бусы из стекла и камешков [34, стр. 233—234].

У пинпу существовал обычай татуировки. После появления голландцев они выкалывали на груди изображения латинских букв [21, стр. 36].

Судя по сообщениям Г. Кандидиуса, общественный строй населения юго-западной равнины Тайваня характеризовался наличием соседско-родовой общины. Община являлась единым хозяйственным, политическим и военным целым. Общинники, достигшие пятидесяти лет, выселялись на общинное поле. Они получали участок, на котором строили хижину. В деревню старики приходили только по праздникам [34, стр. 238—239]. Другие источники ничего об этом не сообщают. В общине существовала круговая порука. Так, во время пожара каждый односельчанин был обязан помочь пострадавшему. Если кто-нибудь отказывался, у него сжигали дом [29, стр. 17].

В личной собственности общинника находились орудия труда, предметы потребления, оружие, земельный надел, головы убитых врагов. Жилище, вероятно, составляло собственность рода или семьи.

К XVII в. в общине уже существовало имущественное неравенство. Об этом говорят, например, размеры свадебного подарка. Бедный жених дарил невесте три-четыре кольца, два-три комплекта верхней одежды, такое же количество нательного белья. Богатый посылал своей избраннице в два-три раза больше верхней одежды, нательного белья и колец. Кроме того, в его подарок входили такие ценные вещи, как отрезы китайской ткани, оленьи шкуры, собачья шерсть [34, стр. 233—234].

Особенность обмена у пинпу в том, что он происходил только между общинниками и иностранцами. Они меняли шкуры и мясо животных на японские кинжалы и китайскую мануфактуру. С появлением голландцев старейшины стали закупать европейское платье.

Голландцы внесли еще одно новшество — работорговлю. У одного из местных племен они покупали детей, в основном мальчиков.

Высшая власть у пинпу осуществлялась народным собранием. Оно избирало совет старейшин, состоявший из двенадцати человек старше сорока лет. Состав совета обновлялся каждые два года. После окончания срока службы бывшим членам совета выщипывали волосы на висках и макушке [34, стр. 225—226]. Г. Кандидиус рассказывает о деятельности совета: «Власть этих советников⁶ не такова, что они могут выполнить предложенное. Когда случится что-то особенное, они должны собраться, чтобы обсудить и решить, как и что сделать. Собравшись, приглашают всех жителей деревни... выдвигают все за и против ...пока не уговорят всех. Все всегда происходит в большом порядке... Они выслушивают даже противоположные мнения» [34, стр. 227].

Совет старейшин являлся также и высшим юридическим органом. Тюрем и телесных наказаний у островитян не было. Преступлением считалось нарушение религиозных норм. Штраф брали рисом, мясом, шкурами, вином. Воровство, убийство, супружеская измена официально не рассматривались как преступления. В этих случаях действовал обычай мести. За воровство или убийство отбиралась часть имущества и следовал поединок. За измену муж отбирал у соперника двух-трех свиней [34, стр. 230].

Существенный недостаток информации о семейно-брачных отношениях у островитян в том, что она исходит только от Г. Кандидиуса, писавшего с позиций христианской морали. Проверить его данные полностью не удалось. Если исходить из отчета этого миссионера, то получается, что брак в роде пинпу был экзогамен, в общине — эндогамен. С проникновением иностранцев появились смешанные браки. Допускались половые отношения до брака. В семнадцать лет юноша отпускал волосы ниже мочки уха и мог «заниматься любовью». То же делала девушка, достигшая половой зрелости. Женился мужчина в двадцать один год. Сватовством занимались кровные родственники жениха. Они относили свадебный подарок родителям или подругам невесты. Принятие подарка означало согласие на брак. Г. Кандидиус рисует типичную картину дислокального брака: «Женщина отправляется жить в дом к мужчине, но у себя остается работать, есть и спать. Также и муж остается в своем доме, но ночью, как вор, пробирается к жене в дом. Он не может произнести ни одного слова или зажечь лучину и должен немедленно ложиться в темноте. На рассвете...он обязан мол-

⁶ Старейшин голландцы называли советниками.

ча встать и крадучись тихонько удалиться. Женщина имеет свою землю, данную ей родичами, и обрабатывает ее для пропитания. Остается жить вместе с родственниками. Точно так же и каждый мужчина занимается своим делом. Так что ни муж жене, ни жена мужу ничего не дают» [34, стр. 235—236]. Поскольку хозяйственная ячейка не создавалась, семья легко распадалась по инициативе любой из сторон. Свадебные подарки оставались, как правило, у жены. Они отбирались, если жена совершала тяжелые проступки: била мужа или он заставлял ее при нарушении супружеской верности. В таких условиях полиандрия и полигиния были обычным явлением. Г. Кандидиус сообщает, что, хотя супруги и не соблюдали взаимной верности, они тщательно скрывали существование внебрачных связей, опасаясь мести. Это противоречит его собственным утверждениям и позднейшим китайским источникам. Последние о мести даже не упоминают [21, стр. 36—36б].

Г. Кандидиус утверждает, что женщине разрешали рожать первый раз только в тридцать три года. В письме генерал-губернатор Нидерландской Ост-Индской компании Я. П. Куну он сообщает, что женщины делали 15—16 аборт до рождения ребенка. Жрицы выдавливали плод ногами [25, стр. 94; 34, стр. 236—237]. Так регулировалась рождаемость.

Дети до трех-четырёх лет жили у матери. Затем мальчики уходили к отцу, который помещал их в мужской дом. Здесь мальчик включался в братство сверстников «Саар Кассиёуанг» (Saar Cassioüang). В мужском доме постоянно жили холостяки, а женатые мужчины имели право ночлега. Тут же хранились головы убитых врагов [34, стр. 231]. Источники не дают более подробных сведений о роли мужских домов в жизни пинпу⁷.

По представлениям аборигенов Тайваня, окружающий мир был полон духов. Между предметами и явлениями существовали мистические связи. Отдельные вещи обладали магической силой. Поэтому люди стремились добиться расположения сверхъестественных сил, использовать их в своих интересах. Отсюда распространение у пинпу магии, гадания по сновидениям, ритуальных жертвоприношений. Так, к порошке дома приступали только если приснится короткий бамбук. Иначе работа откладывалась. Затем приносили в жертву свинью. Коллективной охоте также предшествовало толкование снов и мантика — охотники наблюдали за полетом птицы айдак (Aydak): если она летела навстречу им, начинали охоту. В противном случае возвращались домой [29, стр. 17].

Особое место в ритуале тайваньских племен занимала охота за головами. Европейцы и китайцы, воспринимавшие внешнюю сторону дела, рассматривали ее как войну. Исследователи давно пересмотрели эту точку зрения [6, стр. 104; 13, стр. 77—78]. Основные мотивы такого вида охоты связаны с особенностями первобытного мышления. Пинпу считали, что духи предков благосклонны к тому, кто принесет им в жертву голову врага. В споре или в случае ложного обвинения между враждующими сторонами завязывалась схватка. Правда оставалась на стороне победителя, ибо духи всегда покровительствуют правому. Мальчик рассматривался как взрослый мужчина только после того, как ему удавалось добыть голову. Поскольку это делалось по достижении совершеннолетия, можно говорить о своеобразном обряде инициации. Охота за головами практиковалась также в порядке кровной мести, медицинской магии, для получения разрешения на брак. Она служила ут-

⁷ Китайцы сообщают также о женских домах [21, стр. 36—36б].

верждению социального статуса. Герой пользовался наибольшим почетом и уважением в обществе. Миссионеры дали подробное описание охоты за головами. Охотник вооружался коротким копьем с накрепко пригнанным двукрючным наконечником. К другому концу копья привязывали веревку, которую воин сжимал в правой руке. «Захватив врага крюком, он подтягивал его к себе, а левой отрубал голову» [29, стр. 17]. Самых храбрых и опытных воинов избирали таматава (tamatava) — начальниками военных отрядов. Приблизившись к вражескому селению, отряд разделялся на две группы. Одна из них отвлекала внимание противника. Приняв ее за основные силы, вражеские воины выходили из деревни, чтобы отбить нападение. В это время вторая группа врывается в деревню, истребляя всех подряд. Захватив три-четыре головы, отряд уходил. Ночь обеспечивала успех. Чтобы не рисковать, охотники за головами часто нападали на стариков, живших на общем поле, или на отдельные дома. В этом последнем случае тропу, ведущую к дому, преграждали заостренным тростником. Преследуемый наткнулся на тростник и тяжело ранил себе ноги [34, стр. 223].

Охота за головами не всегда заключалась в нападении на чужую деревню. Она зачастую велась в своей общине между воинами разных отрядов. У пинпу захват головы не являлся обязательным требованием охоты на человека. Достаточно было любой части человеческого тела [34, стр. 224]. Любопытен факт, рассказанный Г. Кандидиусом, об участии в одной из таких охотничьих экспедиций китайцев⁸. Вероятно, пинпу использовали их для обмана противника. Так поступили жители деревни Соуланг при нападении на о-в Люцююй (Тючен), где проживало какое-то низкорослое племя, торговавшее только с китайцами. Соулангцы переоделись в китайскую одежду, вместе с настоящими китайцами сумели обмануть одного из островитян. Его заманили в джонку и разрезали на куски [34, стр. 224].

Возвращение в деревню с головами, руками, ногами врагов превращалось в триумф. Победителям устраивали торжественную встречу с песнями, танцами, благодарственными молитвами, жертвоприношениями. Каждый считал за честь угостить героя лучшей пищей и вином. В течение пятнадцати дней с ними никто не смел разговаривать в официальном тоне. Головы торжественно носили по деревне. Было два способа изготовления черепов. Один способ — срезали мягкие части, второй — варили голову целиком. Череп водружали на шесте возле дома победителя либо, как указывалось выше, отправляли в мужской дом. В случае пожара их выносили в первую очередь, вместе с оружием, «ибо трофеи они ценят более, чем мы — золото», — пишет Г. Кандидиус [34, стр. 225].

Д. Райт уверяет, что во время охоты за головами туземцы брали пленных и отпускали их. Это мало согласуется с общепринятыми представлениями об охоте за головами. Пинпу считали, что душа пленника умирала. Пленный совершал символический обряд похорон своей души. Душу олицетворял кусок материи, имевшийся у каждого воина. «Они выкидывают свои куски материи и хоронят их, как самих себя...приносят жертвы жрицам и обращаются к ним с мольбою от имени умерших своих душ, объясняя, что они не перебежали к врагу, не изменили, не предали» [29, стр. 17].

Миссионеры подробно рассказывают о похоронах у туземцев Южного Тайваня. Тело покойного мумифицировали копчением. Затем мумию поднимали на высокий помост. Через три года ее закапывали в

⁸ По-видимому, речь идет о китайцах, проживавших в одних общинах с пинпу.

собственном доме. Похороны сопровождалась причитаниями, плачами, жертвоприношениями, танцами, молитвами [34, стр. 240—242].

Наряду с тем, что магией, гаданием, инициальной мог заниматься каждый общинник, у пинпу имелись профессиональные жрицы и знахарки. Жречество у аборигенов Тайваня не отделилось от шаманства. Жрицы — инибс (inibs) — устраивали жертвоприношения, руководили ритуалом. В представлении туземцев инибс обладали большей магической силой, чем знахарки. К заболевшему вызывали знахарку. Если состояние больного не улучшалось, обращались к жрице. После соответствующих заклинаний жрица мечом изгоняла «дьявола» (вероятнее, злого духа) из дома больного. Тяжелобольного поднимали петлей вверх, а потом быстро бросали вниз, чтобы ускорить смерть и «облегчить страдания».

О религии пинпу миссионеры писали много. Однако, будучи ортодоксальными христианами, они исходили из скопившихся догматических представлений. Поэтому многие явления ими неверно понимались и истолковывались. Духи предков, духи-хозяева, божества обозначались одним понятием — боги. Поэтому воссоздать реальную картину трудно.

Можно предположить, что имевший место у пинпу дислокальный брак отразился в существовании у божеств супружеских пар. Оба бога-супруга не отделялись в сознании аборигенов друг от друга. Им поклонялись одновременно, так как по силе они были равны. Самое почетное место в пантеоне отводилось Тамагисанчаку и Такарупаде. Олицетворяя мужское и женское начало мира, они покровительствовали урожаю и красоте. «Богам» — покровителями медицины считались Тагеталлаг и Тагисикель, войны — Тапалят и Тававопли. Только дух зла Сарифей не имел жены.

Обращает на себя внимание предание о том, что Сарифей родился человеком. Односельчане травили его за уродливую внешность. Тогда «боги» взяли юношу на небо. Оттуда Сарифей мстил людям, насылая на них болезни и напасти. Чтобы избежать козней Сарифея, местные жители отмечали «великий пост» — Қариянг — с двадцатью тремя табу.

У пинпу насчитывалось семь праздников. Из них четыре или пять (в источнике неясно) связаны с земледельческим культом. Отмечавшийся в апреле Тупаупыйлахкканг предшествовал полевым работам. Июньский Выборланг Варлоо посвящался борьбе с сорняками, пожарами, змеями. В июле — Сикарнярьян, во время которого мужчины просили о защите от врагов, а женщины — о сохранении урожая. В сентябре праздновали Лингоуг, связанный со сбором урожая. На октябрь падало два праздника: Пиньянг — праздник стариков и Итаоуанганг — праздник воинов. Подробности ноябрьского эротического праздника Караулауаханг миссионеры не сообщают [29, стр. 18—23].

Материалы XVII в. говорят, что у пинпу была культура, элементы которой прослеживаются у гаошань, народов Индонезии, Малайзии, Филиппин, Микронезии, Полинезии [1, стр. 71; 8, стр. 44—46; 9, стр. 1—4; 11, стр. 61; 17, стр. 60—62; 22, стр. 2—5; 23, стр. 1—12].

1. Бартон Р. Ф., Использование мифов как магии у горных племен Филиппин, — «Советская этнография», 1935, № 45.
2. Дюгальд Ж. Б., Географическое, историческое, хронологическое описание Китайской империи, СПб., 1775.
3. «Историческое и географическое описание Китайской империи», М., 1789.
4. «История о завоевании Китая манжурскими татарами, сочиненная г. Воже де Брюнем», М., 1788.
5. Кюнер Н. В., Горные племена Формозы (вторая редакция), — Архив ИВАН ф. 91, оп. 2.

6. Кюнер Н. В., Коллективные охоты у формозских племен (у племени атайял),— «Советская этнография», 1937, № 2—3.
7. Кюнер Н. В., Народы острова Тайвань,— Архив ЛО ИЭ, ф. 8, оп. I, ед. хр. 90.
8. Маретин Ю. В., Община и ее типы в Индонезии, М., 1964.
9. Маретина С. А., Дом холостяков у народов Юго-Восточной Азии,— «IV научная конференция по истории, языкам и культуре Юго-Восточной Азии (тезисы)», Л., февраль 1972, стр. 44—47.
10. Мольтрехт А., Четыре месяца зоологической и этнологической работы среди дикарей Центральной и Южной Формозы,— «Известия русского географического общества», т. II, СПб., 1916.
11. «Народы Австралии и Океании», М., 1956.
12. «Народы Восточной Азии», М.—Л., 1965.
13. Невский В. А., Материалы по говорам языка цоу, М.—Л., 1935.
14. «Очерки общей этнографии. Зарубежная Азия», М., 1959.
15. Позднеев Д. М., Заметки о Формозе,— Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 590, оп. 36.
16. Позднеева В., Остров Формоза или Тайвань,— «Известия Всесоюзного географического общества», т. LXI, вып. II, 1930.
17. Ревуненкова Е. В., Шаманизм и шаманский комплекс в Малайе и Индонезии,— «IV научная конференция по истории, языкам и культуре Юго-Восточной Азии (тезисы)», Л., февраль 1972, стр. 60—62.
18. Стратанович Г. Г., Некоторые данные по этнографии амэй «гаошань»,— «Советская этнография», 1958, № 5.
19. Стратанович Г. Г., К вопросу о путях переселения племен «гаошань» на о. Тайвань,— «Советская этнография», 1962, № 4.
20. У Ч жу а н д а, Тайвань, М., 1959.
21. Гуцзинь тушу цзичэн (Собрание древних и современных картин и книг), т. XXI, цз. 1109, Шанхай, 1936 (на кит. яз.).
22. Лянь Хэнь, Тайвань тунши (Всеобщая история Тайваня), т. I, Шанхай, 1947 (на кит. яз.).
23. «Тайван такасагодзоку кэйто сэдзоку но кэнкю» (Изучение генеалогии аборигенов Тайваня), т. I, Тайхоку, 1935 (на яп. яз.).
24. «Хуанцинчжигунту» (Альбом данников династии Цин), Бянь 2, цз. 3, 1751 (на кит. яз.).
25. Campbell R. W., Formosa under the Dutch, London, 1903.
26. Chen Kang Chai, Taiwan Aborigines, Cambridge (Mass), 1967.
27. Chia-min Hsieh, Taiwan-ilha Formosa, London, 1964.
28. Davidson J. W., The Island Formosa, London — New York, 1903.
29. «Gedenkwürdige Verrichtung der Niederländischen Ost-Indischen Gesellschaft in dem Kaiserreich Taising oder Sina, durch ihre zweyte Gesandtschaft an den Unterkönig Singlamong und Feldherren Taising-Lipoi. Ausgeführt durch Joan van Kampen und Constantin Nobel; wobei alles dasjenige was auf dem Sinischen Seestrande und bey Tajowan, Formosa, Aimuy und Quemuy, unter dem Beschlaber Balthasar Bort, im 1662 und folgenden Jahre vorgefallen erzählt wird. Als auch die dritte Gesandtschaft an Konchi, Sinischen und Ost-Tartarischen Kaiser, verrichtet durch Pieter van Hoorn. Hierbey ist gefüget eine ausführliche Beschreibung des gantzen Sinischen Reichs und ist durchgehendes das gantze Werk mit viel schönen Kupferstücken gezieret», Amsterdam, 1674.
30. Gravius D., Aan den Godvruchtigen en Bescheydenen Leser,— «Memoirs of the Faculty of Literature and Politics Taihoky Imperial University», Taihoky, 1939.
31. Imbault-Huart C., L'île Formose, Paris, 1898.
32. Ischii Siinji, The Island Formosa and its Primitive Inhabitants, London, 1916.
33. Mackey G. L., From far Formosa, Edinburg — London, 1900.
34. «Relation de L'état de l'iles, Formose, Ecrite par George Candidius, Ministre du S. Evangile, envoyé dans cette, Ilse pour la propagation de la Foi Chrétienne»,— «Recueil des voyages», Rouen, t. IX, 1725.
35. Semedo F. A., The History of That Great and Renowned Monarchy of China, London, 1655.
36. Swinhoe R. S., Notes on the Ethnology of Formosa, London, 1863.
37. Valentyn F., Beschryvinge van Tayouan, of Formosa,— «Zaaken van den Godsienst op het Eyland Java, Als ook een Beschryving van het Nederlandsch Comptoir in Suratte, En van de levens der Grootte Mogols, Mitsgaders een Verhaal der Zaaken van China. Nevensen Beschryving van't Eyland Formosa ofte Tayouan, en de zaaken dar toe behoorende; Waar achter gevoegt zyn des Schryvers Uyt en t'Huys — Reyzen», Deel. IV, S. II, Dordrecht — Amsterdam, 1726.
38. «Verwaerloosde Formosa», Amsterdam, 1675.